

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук
Шибасовой Михалины Михайловны на диссертацию Устинова О.А. на тему:
«Антропологические парадигмы в русской философии советского периода
(1917-1991 гг.): историко-философский анализ»,
представленную на соискание ученой степени доктора философских наук
по специальности 5.7.2 – История философии (философские науки).

Актуальность исследования О.А. Устинова обусловлена рядом причин объективного характера. Во-первых, социокультурным контекстом современности, в проблемном пространстве которой антропологический кризис занимает далеко не последнее место. Во-вторых, гносеологическим и аксиологическим статусом многовекового полилога вокруг метафизических вопросов о сущности человека и его месте в системе «природа-социум-культура». В-третьих, научной целесообразностью осмысления «диалектики приобретений и утрат» в отечественном опыте постижения философско-антропологической тематики.

Определив в качестве цели исследования историко-философскую реконструкцию и анализ антропологических парадигм в русской философии советского периода, О.А. Устинов использовал весьма продуктивную стратегию последовательного решения комплекса задач с учетом хронологических рамок исследования. Изначальным достоинством рецензируемой работы является выбор общефилософских методов и специальных методов историко-философского исследования; с методологической точки зрения принципиальное значение имел для автора парадигмальный подход Т. Куна, конкретизированный и адаптированный к теме диссертации. Стоит отметить также, что логика изложения материала проявляется в движении авторской рефлексии над особенностями трансформации антропологических позиций, исходя из следующих констант: сущность антропологического идеала (аксиологический ракурс); проблема соотношения биологического и социального в человеке; соотношение

свободы и необходимости; проблема смысла жизни; проблема соотношения личности и общества.

Степень обоснованности и достоверности научных положений, выводов и заключений соискателя, сформулированных в диссертации.

Диссертационное исследование построено логично, обладает хорошо продуманной структурой, отражающей содержательную позицию автора и эвристический потенциал выносимых на защиту положений.

В первой главе «Возникновение и развитие антропологических парадигм в русской культуре и философии X – начала XX вв.» рассмотрены идейные истоки антропологических парадигм, выявлены и раскрыты особенности их формирования и включения в ценностно-смысловое пространство русской культуры. Содержательная емкость данной главы обусловлена в немалой степени реконструкцией и интерпретацией русского опыта постижения проблем человека на основе христианской антропологии как специфической компоненты духовной жизни.

Особый интерес вызывает выявленный О.А. Устиновым ряд факторов трансформации философско-религиозных воззрений на сущность человека в процесс смены хронотопов культуры в многовековой период между X и XVIII веками на пути от Киевской Руси до Российской империи. Осмысление этих факторов рождает понимание того, что советская философия является органической частью русской философии, в потому должна рассматриваться и изучаться в единстве с ней с учетом, разумеется, параметров уникальности советской философии, неотделимой от «диалектики повседневности» на протяжении нескольких «социалистических» десятилетий.

Эвристически значимым является фрагмент диссертации, посвященный вопросам генезиса и формирования в русской философии XIX – начала XX вв. на фундаменте данных естественных и социальных наук о человеке философско-научной антропологической парадигмы. При этом отмечается, что для данной парадигмы характерна – в противовес идеалистической антропологии – недооценка феномена личности и проблем ее духовно-нравственного развития. Отсюда и завершающий первую главу акцент

О.А. Устинова на том, что «Символом антагонизма между двумя парадигмами стало издание в ответ на сборник статей религиозных философов С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, П.В. Струве и других «Проблемы идеализма» (1902) аналогичного марксистского сборника А.А. Богданова, В.А. Базарова, А.В. Луначарского и других под содержащим вызов названием «Очерки реалистического мировоззрения» (С. 91).

Содержательную основу второй главы «Формирование и эволюция философско-научной антропологической парадигмы в русской философии советского периода (1917-1991 гг.)» составляет выявление и интерпретация ключевых моментов философско-научной антропологической парадигмы в соотнесении с вопросом об особенностях её сосуществования с религиозно-философской моделью постижения феномена человека. В данной главе внимание исследователя фокусируется на тенденциях монополизации статуса философско-научной антропологии и легимитизации религиозно-философской антропологической парадигмы. Ряд авторских умозаключений связан с явлением «болезни роста» философско-научной антропологической парадигмы в первые годы после Октябрьской революции. При осмыслении радикальных изменений в сфере русской антропологии были раскрыты такие их причины, как вульгаризация подходов к проблематике человека, поверхностное восприятие учения Маркса и влияние отечественных адептов коммунистической идеологии, особенно А.А. Богданова и Н.И. Бухарина на представления о субъекте истории и общественных отношений. В диссертации наглядно показано, что доминирование социоцентрического подхода к человеку усилило антагонизм между материализмом и идеализмом на долгое время – вплоть до «оттепели».

Третья глава «Эволюция религиозно-философской антропологической парадигмы в русской философии советского периода (1917-1991 гг.)» как и две предыдущие, способствует, на мой взгляд, приращению знания в области истории философии. По утверждению диссертанта, в XX веке религиозно-философская модель прошла в своей эволюции стадии маргинализации, латентной актуализации, и инверсионной (консервативной) модернизации,

научно-философская модель в свою очередь – стадии становления, кризиса, актуализации, и модернизации. Автор диссертации делает акцент на том, что в годы «перестройки», когда запреты были сняты, религиозная парадигма стала переживать стадию консервативной модернизации, большинство исследователей вернулось в сферу богословия. «Уступки марксизму» стали восприниматься как вынужденные, и начатки «встречного движения» оказались практически невостребованными. В этот же период происходят одновременно инфляция вульгарных трактовок человека как «живой машины», орудия производства одной стороны, и актуализация потребности философов-шестидесятников в «гуманизации марксизма» и в расширении границ проблемно-тематического пространства антропологии. Благодаря этим тенденциям в СССР всего за пять лет был сделан колоссальный рывок вперед: были вытеснены вульгарные трактовки сущности и назначения человека, у многих молодых ученых активизировался интерес к проектам создания «целостной науки» о человеке, а сам марксизм был осознан как «философия человека». Явно обнаруживала себя и тенденция перехода ряда советских материалистов-марксистов к диалогу с идеалистами, к объективной оценке ряда их идей. Так, согласно диссертанту, «с середины XX в. большую роль в анализе проблем человека стал играть диалог с представителями западного марксизма, экзистенциализма и сторонниками религиозно-идеалистической антропологии. В результате этого парадигма претерпела серьезную трансформацию по линии усложнения и творческого развития ее базовых концептов». (С. 184)

Общим моментом для всех разделов научной работы О.А. Устинова является содержательно-корректное отношение к Именам и идеям субъектов исследовательской деятельности. Текст диссертации богат деталями при раскрытии и анализе особенностей творчества того или иного советского мыслителя, что показывает не только владение материалом, глубокие знания, но и искренний интерес автора к своим героям.

В заключении диссертационного исследования отражены основные выводы, касающиеся не только истории эволюции антропологических парадигм, но и перспектив углубления сферы познания феномена человека.

Научная новизна результатов диссертационного исследования проявляется в следующих результатах историко-философского анализа антропологических воззрений отечественных мыслителей:

1. Обоснование и применение парадигмального подхода к исследованию философско-антропологических проблем в истории русской философии советского периода.

2. Разработку и апробацию целостной методологической программы исследования философско-антропологической проблематики на основе единого и логически связанного анализа всего комплекса проблем человека.

3. Выявление, анализ и характеристику предфорулировок религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигм в русской философии советского периода X-XVIII вв.

4. Аналитическую реконструкцию и характеристику структур, содержания, особенностей эволюции религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигм в русской философии XIX в.

5. Аналитическую реконструкцию и характеристику структур, содержания, особенностей эволюции религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигм в русской философии советского периода.

6. Выявление и определение характера и типа изменения основных концептов, обуславливающих эволюцию указанных парадигм.

7. Выявление и характеристику основных форм взаимодействия и взаимовлияния между представителями данных направлений. Указание в актуальности на необходимость интегрального знания о человеке для науки будущего не носит в работе декларативного характера. Контекстное изучение форм взаимодействия философов-марксистов с философами-немарксистами

заслуживает внимания и может стать предметом другого, самостоятельного, исследования.

8. Интересные интерпретации антропологических решений советских философов, способствующее предметному обогащению современных историко-философских исследований, а также рассмотрение развития советской философской антропологии в комплексе с отдельными положениями советской психологии и педагогики.

Бесспорная значимость полученных О.А. Устиновым результатов связана как с высоким теоретико-методологическим уровнем исследования, так и с практической целесообразностью использования диссертационного материала в педагогической деятельности, в преподавании таких гуманитарных дисциплин, как история философии, философская антропология, культурология, психология, этика и др.

Таким образом, есть немало оснований для признания того, что установка автора диссертации на то, чтобы полнее и глубже систематизировать и исследовать «антропологический код» русской философии в его тесной взаимосвязи с национальной историей, оказалась продуктивно реализованной. Благодаря глубокой проработке обширного массива первоисточников и научной литературы, следования принципу историзма и корректному использованию арсенала методов исследования О.А. Устинову удалось доказать гипотезу исследования и тем самым внести вклад в такую важную сферу гуманитарного знания, как история философии.

Давая общую положительную оценку исследованию О.А. Устинова, считаю, тем не менее, правомерным задать ряд вопросов с целью уточнения авторской позиции. Эти вопросы возникли, возможно, по той причине, что диссертант взялся за решение задачи высокой степени сложности, а именно: изображения и анализа всей панорамы развития отечественной философской мысли XX века, что неизбежно, в силу специфики такой работы, влечет за собой появление в тексте моментов, или требующих уточнения, или являющихся дискуссионными.

Во-первых, мне хочется понять причину авторской «фигуры умолчания» в отношении такого уникального мыслителя, признанного не только в России, но и за ее пределами философа и одного из родоначальников русского космизма, каким был Н.Ф. Федоров, и чьим учеником считал себя К.Э. Циолковский. А ведь федоровская «Философия общего дела» и концепция панморализма имеют ряд точек сопряжения с темой диссертации. Не меньшее удивление вызывает отсутствие «интеллектуального следа» М.Н. Громова, В.А. Кругликова, И.К. Кучмаевой, в работах которых в 70-е годы были глубоко осмыслены вопросы философско-антропологического характера.

Во-вторых, реконструируя эволюцию религиозно-философской парадигмы, О.А. Устинов уделяет внимание влиянию на антропологические решения советских философов индо-буддийских интеллектуальных течений, будь то К.Э. Циолковский в 1920-1930-е годы или Б.Д. Дандарон в 1950-1960-е годы. Однако за границами его исследования остается философское наследие Н.К. Рериха и Е.И. Рерих. Это обстоятельство никак не меняет достоверности данной в диссертации характеристики специфики эволюции религиозно-философской парадигмы (думается, что в позициях Б.Д. Дандарона и четы Рерихов много общего), но это обстоятельство сказывается на полноте представленного анализа.

В-третьих, диссертант исходит из того, что политический фактор являлся едва ли не главным в развитии антропологических парадигм в советской философии. С этим утверждением можно согласиться, когда обсуждается вопрос о развитии марксизма в СССР, но так ли это однозначно применительно к творчеству сторонников религиозной философии, таких как, Я.С. Друскин или И.Д. Левин, создававших и в «катакомбных условиях» уникальные труды.

В-четвертых. Не могу не обратить также внимание исследователя на то, что по непонятной мне причине автор диссертации игнорирует такую особенность отечественной философской мысли, как ее ценностно-смысловая сопряженность с литературой. Отсюда и односторонность ряда

авторских умозаключений относительно негативного влияния партийной идеологии на трактовку человека. Так, во 2-й главе автор уделяет много внимания «массовому производству безынициативного и безропотного «человека-винтика» (С. 166). А как быть с тем фактом, что именно в 30-е годы были написаны пронизанные духом гуманизма и глубоким психологизмом книги? Не сомневаюсь, что имена Леонида Леонова и Константина Федина, Вениамина Каверина и Андрея Платонова, Михаила Пришвина и Константина Паустовского, как и их блестящие образцы постижения феномена человека в драматических реалиях эпохи хорошо известны автору диссертации и именно поэтому обращаю его внимание на целесообразность использования антропологической традиции в отечественной литературе.

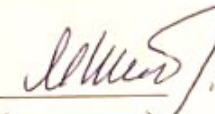
Вызывают досаду стилистические и грамматические погрешности, отмеченные мной в тексте диссертации.

Однако мои вопросы и замечания не снижают значимости работы и не умаляют вклада О.А. Устинова в постижении истории советской философии, но они должны быть продуманы им и при необходимости исправлены и дополнены в его дальнейших публикациях.

В целом, есть все основания утверждать, что рецензируемый текст представляет собой самостоятельное, завершённое исследование, обладает научной новизной, является научно-квалификационной работой, в которой изложены новые научно обоснованные решения и разработки, имеющие существенное значение для дальнейших изысканий в сфере философской антропологии как специфического направления гуманитарных наук.

Диссертация Устинова О.А «Антропологические парадигмы в русской философии советского периода (1917-1991 гг.): историко-философский анализ» полностью соответствует п. 9, 10, 11, 13 и 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук. Ключевые положения работы изложены в необходимом количестве публикаций. Автореферат полностью отражает содержание диссертации.

Автор диссертации, Устинов Олег Александрович, достоин присуждения
ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.2 – История
философии.

Доктор философских наук, профессор М.М. Шибанова
(подпись)

«28» ноября 2022 г.

Сведения об оппоненте:

Ученая степень: доктор философских наук
Специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры
Ученое звание: профессор
Название организации: ФГБОУ ВО
«Московский государственный институт культуры» (МГИК)
Подразделение: факультет государственной культурной политики,
кафедра культурологии
Почтовый адрес: 141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7
ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» (МГИК)
Контактные телефоны: 8(499) 183 23 20, 8 962 369 45 53
E-mail: skyday.vm@yandex.ru

Личную подпись
заверю специальным образом
№ 5 суббота
«28» ноября 2022 г.

